

Ты помнишь? В нашей бухте сонной спала зеленая вода...

СВОЙ ЛЕТНИЙ ОТДЫХ В ПРИБАЛТИКЕ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ПРЕВРАТИЛА В ЦЕПОЧКУ ПРИЯТНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ И СВЕТСКИХ УДОВОЛЬСТВИЙ

На гребне развлекательной — а равно и (по весомым дипломатическим итогам) деловой — поездки в Эстляндию царский двор изрядно флиртовал, частенько играл в карты, охотно угощался деликатесами и непрерывно, в духе тех лет, интриговал и сплетничал. Интересы различных вельможных группировок то

причудливо переплетались, то резко расходились, заставляя аристократов и аристократок искать дополнительные опоры и создавать запасные позиции. В эпицентр этих бурных подковерных игр попала и юная жена престолонаследника великая княгиня Екатерина Алексеевна.

«Ай ты, батюшко, да король польский!..». Его величество Август III, суверен Речи Посполитой, великий князь Литовский, курфюрст Саксонский (1696 — 1763).

И ДАТЬ КОЛЕНОВУ МЕДАЛЬ...

Неустанные, изо дня в день, нашествия Мавры Егоровны Шуваловой, благоверной графа Петра Ивановича, принесли определенную практическую выгоду: в монарших покоях прислушались к жалобам давней дворцовой наперсницы и чуток охладили опекунский пыл Марии Симоновны Чоглоковой. Заигравшаяся обер-гофмейстерина, хоть и была двоюродной сестрой государыни, ощутимо сбавила градус воспитательного воздействия, перейдя в общении с Екатериной на вкрадчиво-ласковую тональность. Однако полностью отодвинуть мадам Чоглокову от манящих ступеней трона не сумела — как ни старалась — даже вездесущая Мавра Шувалова. Елизавета Петровна не потеряла еще доверия к своей преданной кузине и не пошла на решительные «кадровые» ломки.

А вскоре положение Марии Симоновны в зный раз упрочилось и окрепло: из дальних странствий возвратясь, в Ревель приехал наконец долгожданный гость — ее любимый супруг Николай Наумович, успешно, по слухам, выполнивший свою информационную задачу в венском дворце Шёнбрунн. Как полагала наблюдательная Фике, сей камергер считал себя необыкновенно красивым и умным мужчиной, а на деле выглядел человеком самонадеянным, глупым, заносчивым, спесивым и «по меньшей мере таким же злым, как и его жена». Трудно сказать, ей-богу, сколь спра-

ведливым и объективным бывает отравленное неприязнью перо — что гусиное, что железное...

Впрочем, возвращение господина Чоглокова в родные пенаты едва не обернулось для благородного семейства большим и звонким конфузом. Как нередко случается, подвело обыденное житейское тщеславие. Вояжируя из Вены в Ревель, специальный посланник слегка задержался в ослепительном Дрездене, где курфюрст Саксонский Август III (вдобавок «по совместительству» и по единодушной воле польского сейма король Речи Посполитой и великий князь Литовский) даровал ему, ради союза с могучей Россией, одну из главных польских наград — орден Белого Орла. Это почетное отличие, уч-

«Важные, со звездами, генералы...». Польский орден Белого Орла (1740-е годы — закат независимого существования Речи Посполитой, преддверие ее территориальных разделов между Пруссией, Австрией и Россией).

режденное в самом начале XVIII века, вручалось только коронованным особам и высокопоставленным лицам. Положа руку на сердце камергер Чоглоков ни с какой стороны в сей избранный круг не входил, и ему надлежало — по канонам тогдашней эпохи — предварительно испросить разрешения своей державной повелительницы. А он, самовлюбленный, забыл на радостях о строгом придворном этикете.

...«ЗА РЕВНОСТЬ И СТАРАНЬЕ»!

Выведав подноготную, Елизавета пришла в ярость. Еще бы: все русские цари и царицы, начиная с Преобразователя, дружески обменявшегося с королем Августом II (родителем Августа III) орденскими знаками Андрея Первозванного и Белого Орла, и включая свергнутого с престола младенца-несмышлениша Ивана Антоновича, являлись в обязательном порядке кавалерами высокой польской награды. Их императорские величества! А тут какой-то лакей взял ее без спросу и привез сюда в кармане («Монархиня уж не нужна больше — холопы сами на

себя иностранные медали возлагают! Господи, мне-то лишь три с половиной года назад в Москве пожаловали...»). Над честной головой Николая Наумовича ступили тучи.

Но подоспела подмога! Мария Симоновна и канцлер Бестужев-Рюмин (который, помнится, мечтал во время московского недомогания Екатерины «переженить» Петра Феодоровича на дочери Августа III принцессе Марии Анне) кинулись в монаршие апартаменты и буквально прожужжали уши помазаннице Божией, умоляя отпустить простодушному камергеру вину — за немалые услуги, ока-

занные русской короне при чужеземных дворах. Елизавета Петровна, поразмыслив, оттаяла и смиловилась. А потом и вовсе дозволила прощенному чиновнику надеть орден прилюдно и по статутным правилам — на широкой светло-голубой ленте через левое плечо к правому бедру. Грудь счастливец украсила и золотая восьмиконечная звезда с четырехгранным серебряным крестом и символическими языками пламени. Праздные зеваки, подходя, внимательно разглядывали чеканную латинскую формулу: Pro Fide Rege et Lege («За веру, короля и закон»)...

События между тем разворачивались по утвержденному сценарию. Жарким солнечным утром веселое общество отправилось на берег залива наблюдать за военно-морскими учениями. Над водой стояла абсолютная тишина, и только вдалеке, на рейде, вспыхивал сноп огоньков (то рокотали судовые орудия) и клубились облака сизого дыма. Никаких пушечных ядер, которые очень хотела увидеть Фике, не заметили даже в подзорные трубы... После стрельбы светский люд устроил бал на террасе Екатерининтала, а ужин накрыли на улице, возле бассейна, где намечалось пустить фонтан. Но стоило проголодавшимся царедворцам коснуться своих кувертов, как хлынул проливной дождь, и дамы с кавалерами стремительно бросились по комнатам и палаткам.

ПРОЛЕГАЛА ПУТЬ-ДОРОЖЕНЬКА...

Спустя несколько дней вся компания двинулась на маневры к Рогервику — просторной бухте в западной части Финского залива, окруженной мысом Пакерорт и островком Малый Рог. Некогда царь Петр Алексеевич собственноручно заложил там форпост, ставший впоследствии эстонским городом Палдиски. Молодецкие экипажи опять продемонстрировали свое ратное мастерство, но с береговой кромки вновь можно было любоваться одними клубами дыма.

На этот раз, кстати, путешественники сильно натрудили ноги: почва оказалась донельзя каменистой и вязкой. Мелкий булыжник прямо-таки истерзал пешеходов, покрывая ступни густым слоем острых осколков, от которых потом месяцами ныли суставы. Не спасала даже прочная обувь: так, местные каторжане, обслуживавшие корабельный мол, пользовались надежными деревянными башмаками, но и их хватало не более чем на полторы недели. Поэтому в тюремных каптерках хранились поистине неиссякаемые запасы грубых, крепких чоботов...

В поездке к Рогервику русскую свиту сопровождал кайзеровский легат Иоганн фон Бретлах. Он оценивающе, с видом знатока, кивал, глядя на флотские стрельбы, и с наслаждением — безмерная честь! — трапезничал в государственном шатре за личным столиком Елизаветы Петровны. Где-то на полпути между Рогервиком и Ревелем самодержицу позабавили удивительным зрелищем — к ужину приковывляла древняя, 130-летняя старуха, напоминавшая ходячий скелет и способная произнести пару-тройку фраз о Смутной поре и воцарении Дома Романовых. Елизавета с нескрываемым любопытством взирала на анатомические особенности восьмого чуда света и, словно почувствовав себя в отцовской Кунсткамере, одарила редкую посетительницу блюдами монаршей кухни и туго набитым кошельком.

Из Ревеля предполагалось прокатиться до Риги, и многие придворные кареты уже отъехали к югу, в Лифляндию. Но государыня внезапно, не объясняя причин, изменила свои намерения, и никто не мог угадать смысл этого неожиданного поворота судьбы. Бойкие дилижансы начали возвращаться обратно...

«Когда кильватерной колонной вошли военные суда...». Смотр морского флота (художник Иван Айвазовский, 1886 год).